

О ТИА И ОСВЕЩАНИ

ПРО МАЛЫША-
ОХОТНИКА БАЧО

издательство «малыш» · 1980

95 коп.

издательство
«М A L Y Ы Ш»

М o с к в а
1980

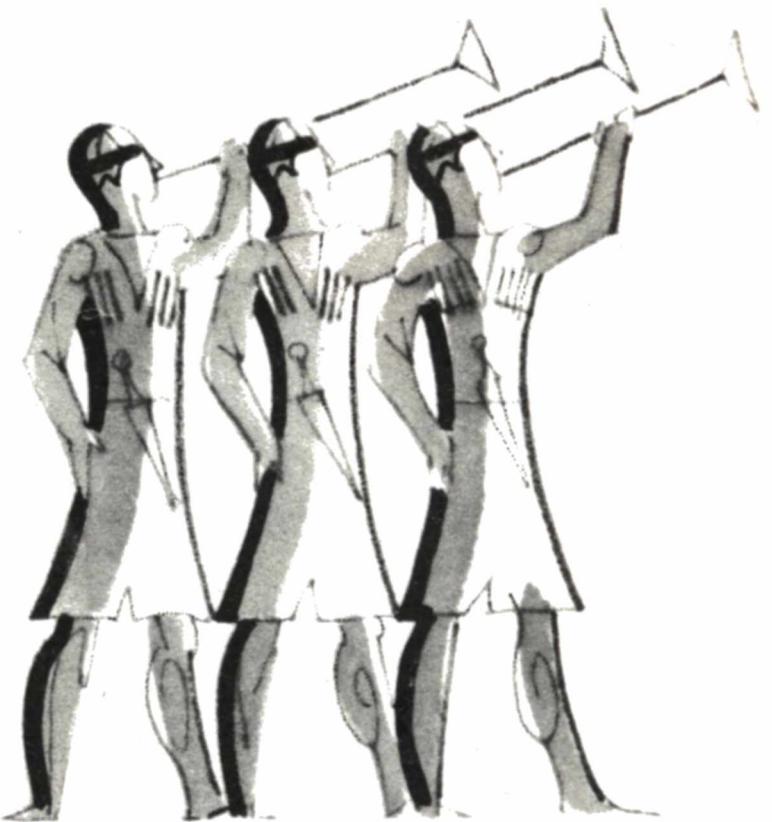

отца и селяни

Рисунки Ю. МОЛОКОНОВА

Про малыша- ожотника ГоЧо

Пересказ ал
Сіргузинского
А. Эбаноидзе

ПРД МАЛЫША-ОХОТНИКА БАЧО

КАК ПОЯВИЛСЯ БАЧО

или на свете Рамази и Манана, но сколько бы вы ни искали Бачо, его нигде не было. Однажды он рассердился: «Почему это все есть, а меня нету?» — и в один прекрасный день взял и появился на свет. Рамази и Манана обрадовались, а самому Бачо хоть бы что!

— Ах, братец! Чем же тебя угостить? — заволновалась Мано.

«Я люблю только молоко», — подумал Бачо.

— О, молоко это чудесно!.. — угадала Манана.

«Я и сам знаю», — подумал Бачо.

— Конечно, знаешь, Бачо! Ты у нас всё знаешь! — сказала Манана.

— Ничего он не знает! — махнул рукой Рамази. — Самого не видать ещё, а воображает...

Бачо ужасно рассердился, наморщил лоб и попытался выпростать руки из пелёнок.

Манана тоже рассердилась на Рамази и сказала:

— Замолчи сейчас же! Бачо большой мальчик. Большой и сильный!

— В первый раз слышу, чтобы грудной младенец был сильным.

— Где уж тебе услышать? Целыми днями на улице пропадаешь, а ночью спишь без задних ног.

— А он что, не спит по ночам?

— Нет. Он ни минуты не спит ночью.

— Вот это новость!

— Для кого новость, а для кого и нет.

Пока брат и сестра спорили, Бачо уснул, но Манана прекрасно знала всё, что случилось с ним ночью, он только сестре доверил тайну. И Манана сказала:

— Когда настаёт ночь и все в доме, даже драчливые петушки, засыпают, Бачо тихонько вылезает из пелёнок, одевается и уходит.

— Куда?

— Я тебе скажу куда. На охоту!

— Вот это здорово! — смеётся Рамази.

— Он уже поймал лисичку, которая стащила у вороны кусочек сыра, и убил волка. Убил и снял с него шкуру.

— Он не говорил, случайно, где прячет эту шкуру?

— Вот ешё!.. На что ему гадкая волчья шкура?

— В таком случае ему надо было ловить тигра.

— Он так и сделал, — говорит Манана. — Взял и поймал тигра, вернее тигрицу. А знаешь, для чего? Чтоб шкуру под свою колыбель постелить. Но тигры в наших лесах не водятся, и Бачо пришлось идти далеко-далеко, за тридевять земель, и там искать полосатого...

И чего этот Рамази закатывается? Неужели не верит, что Бачо поймал тигрицу?

— Верю! — смеётся Рамази. — Верю!

— Да... Сунул её под мышку и несёт. А тигрица была с тигрятами. Но Бачо их не тронул, только поиграл немножечко, приласкал, а маму-тигрицу взял и поволок.

Идёт Бачо и несёт тигрицу.

— Что ты собираешься делать со мной? — спрашивает тигрица. — Наверно, в зоопарк за решётку посадишь?

— Нет, — говорит ей Бачо, — в зоопарке и без тебя тигров много. Я тебя домой отнесу.

— На что я тебе сдалась? — спрашивает тигрица. — Я же хищная...

— Сниму с тебя шкуру. У тебя очень красивая и

мягкая шкура, а мне нужно что-нибудь под люльку постелить.

— Не губи! — взмолилась тигрица. — У меня детки. У тебя ведь тоже есть мама?

— Конечно, есть, — говорит Бачо. — Мама кормит меня молоком.

— Моим тигряткам тоже хочется молока-а, — заплакала тигрица.

Тут Бачо вспомнил, что и сам проголодался, и тоже заплакал.

— Я покормлю тебя, — сказала ему тигрица, утирая слёзы, — а уж ты отпусти меня к деткам.

— Ладно, — ответил Бачо, — отпущу.

Он пососал тигриного молока и отпустил тигрицу домой, в джунгли...

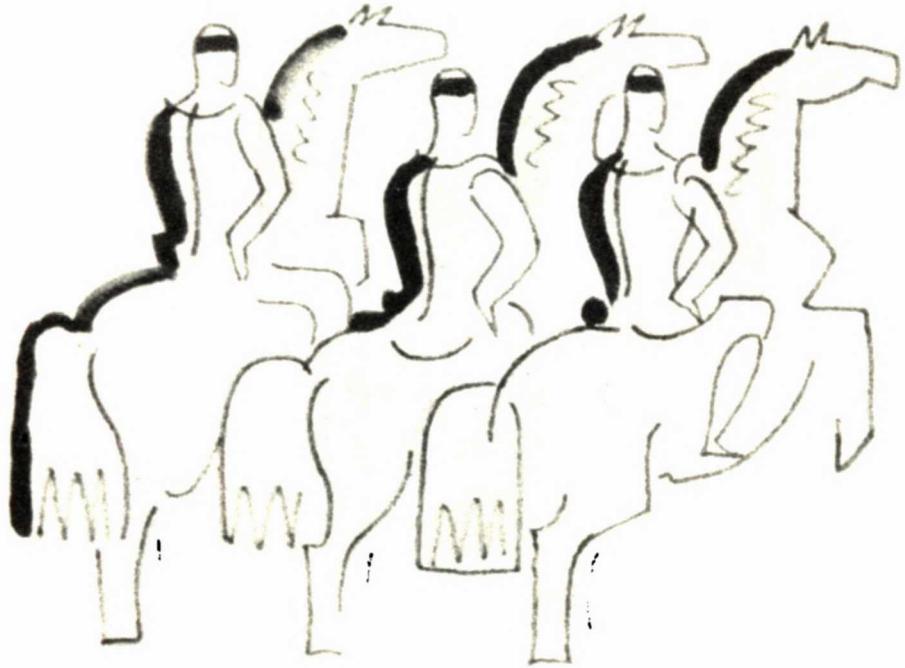
— Вот это герой! — восклицает Рамази, глядя на спящего брата.

— Тсс, тише... Не разбуди! — хмурит брови Манана и бережно покачивает люльку.

А Бачо спит... Иногда по его губам пробегает улыбка: наверно, в эту минуту он видит хитрую, лукавую лисичку или играет с пушистыми тигрятами. А когда тигрята присасываются к материнской груди, он вспоминает, что тоже хочет молока, и плачет. Всё-таки больше всего на свете он любит молоко...

Вот так появился на свет Бачо.

БАЧО—ЗНАМЕНИТЫЙ ОХОТНИК

Бачо прославился на весь мир. Все узнали, что он живьём изловил тигрицу, что тигрица покормила его молоком и за это он отпустил её к деткам.

Под колыбелью у Бачо пол щербатый, и шкура ему очень нужна, но лучше немного помучиться, чем оставить тигрят без мамы... За эту доброту и полюбили Бачо в той далёкой стране, где водятся тигры.

— А разве он и после бывал там? — спрашивает Рамази.

— Не раз и не два...

— Представляю, какие пиры закатывали в его честь!

— О-о, чего только не было у них на столе! — восклицает Манана. — Каша, густая, как мамалыга, и такая жидккая, что можно было налить в бутылочку и есть через соску... А молоко?! Какое только душе угодно! Даже птичье! Все ели и пили в своё удовольствие.

— Хозяин! — молвил Бачо, поднимаясь. — Какое молоко мы станем пить?

— Выбирайте! — ответил ему охотник, сидящий во главе стола. На лбу у него темнело родимое пятнышко.

Бачо перепробовал все бутылки, чмокал губами и качал головой. Когда молока так много, трудно выбрать самое вкусное!

— Отведайте-ка вот этого,—сосед по столу протянул Бачо длинную бутылку, полную розового молока.

— Прекрасный цвет! — сказал Бачо.

— А вкус и того лучше!

— Да... — согласился Бачо, распрабовав молоко.— Лучше и быть не может!..

— Что верно, то верно!

— Но... — Бачо хотел сказать что-то и застеснялся.

— Ему и это молоко не по душе?! — удивился кто-то.

— Он не любит птичье молоко?! — удивились все.

— Оно мне очень понравилось,—сказал Бачо,— но однажды в ваших краях я пил...

— А-а! — воскликнул большеголовый охотник, сидящий рядом с хозяином. — Одну минуту!

Он исчез и вскоре вернулся с большой бутылкой в корзине.

Пригубив это молоко, Бачо радостно закивал и заулыбался, выставляя два новеньких зуба.

— За здоровье Бачо!

— За Бачо! — зашумели вокруг.

— Дайте мне рог! — всё ещё улыбаясь, велел Бачо.

Сидящие за столом поразевали рты от удивления, исразустало видно, сколько зубов прорезалось у каждого.

— Охотники! Мне нужен турий рог! — повторил Бачо.

Славные охотники не знали, что такое тур.

— Если у вас не водятся туры, из чего же мы станем пить?

Несколько смельчаков выбежало из-за стола и исчезло в дремучих зарослях. Через некоторое время они вернулись, волоча на верёвке огромного живого носорога.

Бачо попросил у него рог, наполнил молоком из оплетённой бутылки и провозгласил тост за всех охотников. Выпил, стряхнул рог об ноготок и пустил по кругу. Потом опять надел на нос носорогу и отпустил толстяка восвояси.

— Вам, видно, по душе молоко тигрицы? — сказал сосед Бачо, кивая на оплетённую бутыль.

— Да! — признался знаменитый охотник. — После материнского молока оно мне слаще всех... Такой уж я человек.

БАЧО ВСТАЛ—ЗЕМЛЯ ДРОГНУЛА

В один прекрасный тихий день дрогнула земля и заходила ходуном.

Качалось всё: дома, деревья, горы, и даже небо заколыхалось.

Творилось что-то невообразимое: башня, выложенная из пёстрых кубиков, пошатнулась и рухнула; во дворе дети прокладывали тоннель в песочке, он был почти готов, как вдруг тоже задрожал, потрескался и осыпался. Поднялся шум, гвалт, пересуды:

— В чём дело?

— Что случилось?

— Беда! Беда!..

В лесу, ломая сучья, сталкивались деревья.

— Спасайся кто может! — затрещала сорока. — Небо рушится на землю!

Но птицы не поверили ей.
А дятел протёр очки и
огляделся.

— Всё дрожит... Почему?
Не пойму...

Глупый медвежонок услы-
шал трескотню сороки и пе-
репугался до смерти.

— Жираф, а жираф! Те-
бе там видней! Погляди-
ка: в самом деле, что ли,
небо рушится?

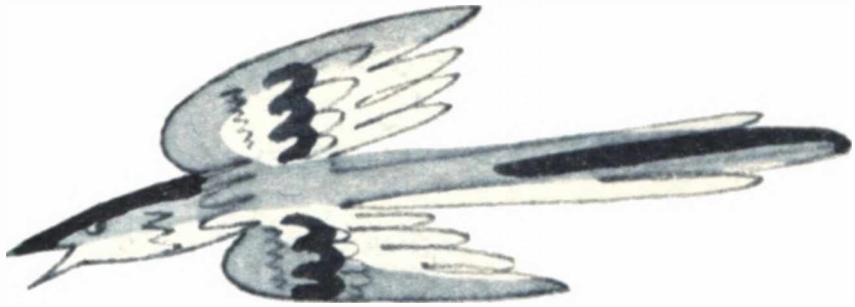
Небо-то не рушилось, но
дело и впрямь было нешу-
точное: прославленный на
весь мир охотник Бачо встал
на ноги.

— Бачо встал на ноги! —
крикнула Манана.— Мальчик
встал — земля дрогнула!

— Да-да! — сказал Бачо,
а это означало: «Ну и встал,
а вы как думали?»

Рамази сначала не пове-
рил, что Бачо сам встал
на ноги. Но Бачо стоял перед
ним, и никто не поддержи-
вал его: ни мама, ни папа, ни
Манана. Бачо стоял, расто-
прышив ручонки, а вокруг не-
го качались деревья, дома,
горы, колыхалось небо, ру-
шились башни и скалы. А Ба-
чо стоял, пошатываясь, и
смотрел на это столпотво-
рение.

Звери и птицы ещё не знали, что произошло, и встревоженные, перепуганные метались по лесам.

Царь зверей Великий Лев недовольно зарычал, лохматая грива у него поднялась дыбом, он в ярости топнул лапой по земле, но она продолжала дрожать.

— Что это значит?! — взревел Лев и взашей погнал из лесу барсов, волков, гиен и медведей. — Обойдите весь свет, узнайте, в чём дело, и без промедления — слышите? Без промедления доложите мне!

Потом Лев призвал к себе зайцев. Серенькие чуть не поумирали от страха.

— А ну-ка, косые, я слышал, вы быстро бегаете. Докажите свою прыть!

И зайцы во все лопатки припустились из лесу.

Тонконогие олени и оленята, встревоженно озираясь, носились по зелёным холмам и чащобам.

Пугливые сирены, прижав к спинам рога, прыгали со скалы на скалу.

В горах с грохотом низвергались обвалы.

И никто не знал, в чём было дело.

Такое вокруг творилось, что даже у Великого Льва ёкнуло сердце. Он попросил слона никуда не отлучаться, а сам послал пятнистую газель к Большой Тигрице, матери трёх тигрят, знаменитой умом, ловкостью и силой.

А тигрице к тому времени птичка на хвосте принесла радостную весть.

— Бачо встал на ноги! Вот отчего вся эта кутерьма. Мальчик встал — земля дрогнула!

Тигрица улыбнулась в усы и, пустив вперёд своих тигрят, отправилась к царю зверей.

Изнывая в неведении, Лев струхнул не на шутку и собственной персоной поспешил навстречу гостье.

— Я что-то не припомню за свою жизнь такого землетрясения,— проурчал он, выслушав приветствие тигрицы.

— Справедливо, государь. Я тоже...

— Скажи на милость, что же всё-таки происходит, а? — дрогнувшим голосом спросил Лев.— Может, земля раскалывается? Или, я слышал, небо рушится?..

— Да нет,— опять усмехнулась Большая Тигрица, потом потянулась всем телом, поглядела на своих подросших тигрят и важно сказала:

— Бачо встал на ноги!

— Кто? — Лев был стар и потому не рассыпал.

У тигрицы жёлтые полосы на шкуре покраснели от злости.

— Ты не знаешь Бачо? Выкормленного мною мальчика?.. Тише-тише! Не проговорись нигде, а то он как раз ищет шкуру под люльку.

— Ох, как же это я запамятовал!..— Лев хватил себя лапой по лбу.— Я знаю Бачо! Кто же его не знает?

— Так он сегодня встал на ноги, и от этого дрогнула земля!

— О-о! Понятно...— Лев закивал головой, и длинная грива полезла ему на глаза.— Если он встал на ноги, то конечно...— потом наклонился к тигрице и шёпотом попросил:— Ты уж, пожалуйста, не выдавай меня, не говори, что я не рассыпал его имени. Сама знаешь — старость не радость, на ухо стал туговат.

— Ладно, не выдам,— в сердцах сказала тигрица и ушла, выгибая спину.

А Лев долго ещё не мог заснуть от страха и, изведённый бессонницей, бродил по лесам и пугал зверей.

А тигрица сдержала слово, и Бачо, к этому времени уже твёрдо стоявший на ногах, так ничего и не узнал про старого Льва.

И хорошо, а то неизвестно, чем бы всё это кончилось для царя зверей. Ведь недаром в Грузии говорят: «Мальчик встал — земля дрогнула».

Вот так Бачо встал на ноги.

СКАЗКА ПРО БАЧО И ГОЧУ

днажды не было дома мамы Бачо.

А были дома Рамази и Манана.

Хорошо, когда брату не надо никуда идти.

Ещё лучше, если и сестра с тобой.

Но без мамы всё-таки очень плохо.

Даже если ты наводишь ужас на львов, живьём ловишь тигриц, а тигрята приходятся тебе молочными братьями, без мамы всё-таки очень плохо.

Плохо, если её нету днём. Но если и вечером!..

И вот, чтобы успокоить младшего брата, Манана и Рамази стали рассказывать ему сказки.

Как-то раз, когда наступил вечер и во двор неслышно слетелись светлячки, Манана сказала Рамази:

— Сегодня твой черёд: расскажи Бачо сказку.

— Не могу,— мотнул головой Рамази,— видишь, стенгазету рисую.

— Не может же он не спать из-за твоей стенгазеты!

— Ничего! И без сказки уснёт!

— Не усну! — заупрямился Бачо.

— Не уснёшь, и не надо! — пожал плечами Рамази.

— А вот и не усну!!! — надулся Бачо.

— Пойдём, Бачо,— сказал тогда Рамази,— я расскажу тебе сказку...

— Жил-был мальчик.

— Я! — крикнул Бачо.

— Не кричи! Жил-был Бачо, а по соседству с ним мальчик Гоча.

— Гоча толстый!

— Не перебивай! А то останешься без сказки.

Бачо подумал: «С этим Рамази лучше не связываться. Ещё и вправду оставит без сказки»...— и притих. А Рамази продолжает:

— Гоча крошил хлеб в глубокую миску, заливал молоком и уплетал, потом уписывал за обе щёки булку с маслом. После этого совал нос на кухню и, если находил там хотя бы кукурузную лепёшку, съедал и её.

— Гоча! Ты, наверное, будешь толстый и слабый, когда вырастешь! — сказал ему как-то Бачо.

Гоча улыбнулся, потому что не умел сердиться, и ответил:

— Нет, Бачо, я вырасту сильный и пойду с тобой на охоту.

— Ты проголодашься в лесу и разревёшься. Тебе на охоту нельзя!

Проголодаться-то я, наверное, проголодаюсь, но я потерплю, потому что я толстый. А если у нас будет мало еды, я уступлю тебе свою долю.

— А мне не надо! Я сам зажарю себе мясо, когда захочу. Знаешь, как мы, охотники, едим в лесу?..

— Тогда в чём-нибудь другом я тебе пригожусь. Я буду сильный и помогу тебе.

— У меня есть брат, сестра и двоюродные братья, они всегда помогут мне!..

— Ну что ж? Помогу тем, у кого нет братьев!..

Гоча обиделся на Бачо, но он не умел сердиться и потому улыбался.

О

...днажды из страны, где водятся тигры, к Бачо прилетел попугай с ужасной вестью: тигрята — молочные братья Бачо — пропали без следа, и никто не знает, что с ними, живы ли?.. Большая Тигрица с горя заболела и слегла. И, лёжа без сил под деревом, она попросила попугая слетать к Бачо: «Если он помнит свою кормилицу ипомнит вкус моего молока — пусть поможет!»

Гоча подошёл к забору и увидел во дворе у Бачо пёструю птицу и услышал её рассказ.

«Попросить Бачо взять меня?! Не согласится,— подумал он.—Лучше тихонько пойду за ним. Искать тигров — дело нешуточное! Там всякое может случиться...»

И когда Бачо отправился в путь, Гоча тайком отправился следом за ним.

Долго ли, коротко ли шёл Бачо, но пришёл, наконец, в страну, где водятся тигры.

Повидал мать-кормилицу
Большую Тигрицу: от горя
исхудала несчастная— кожа
да кости.

— Не бойся, матушка-
кормилица! — утешил её Бачо.— Меня здесь ещё не за-
были. Так что молочных
братьев найду и приведу.
Будь спокойна!

А Гоча знает, что он тол-
стый мальчик, и прячется
за толстым деревом. Видеть
Гочу никто не видит, а ему
всё слышно, всё видно.

Бачо кликнул тамошних
охотников.

Сошлись отовсюду слав-
ные охотники, обрадовались:

— Что же ты забыл нас,
Бачо? — говорят.

А Бачо хмурит брови и
спрашивает:

— Не убил ли кто из вас
тигров— моих молочных
братьев?

— Боже упаси! — отвеча-
ют ему.— Твоих молочных
братьев?! Мы же так тебя
уважаем!..

— Ну, ладно,— прервал
охотников Бачо.— В этот раз
мне не до разговоров, надо
искать братьев,— и пошёл.

Славные охотники хотели
пригласить Бачо и угостить.

Но никто не посмел заикнуться об этом, такой он был мрачный.

Идёт Бачо по лесу, думает: «Дай-ка повидаю Льва—царя зверей—если кто и знает, что происходит в зверином царстве, так это он...»

А Гоча следом за ним идёт и прячется. За толстым деревом, конечно.

Подошёл Бачо ко дворцу, а его издали узнали. Видят придворные звери, хмурится знаменитый охотник. «Беда!—думают.—Вдруг он идёт наказывать нас за разные наши проделки»... Распахнули все ворота, все двери, кланяются:

— Пожалуйте, Великий охотник! Вы, конечно, к царю!..
Входит Бачо к царю.

А Лев к этому времени совсем постарел и оглох.
И видеть стал хуже. Но он—царь, и пока его не
свергнешь с трона, от власти он не откажется. На стене
у него висели портреты Бачо, вырезанные из журнала
«Мурзилка», и книжки «Про малыша-охотника Бачо», по-
этому он сразу узнал знаменитого охотника. Видит: хму-
рится Бачо. Как заревёт бедняга:

— Не виноват! Честью клянусь, не виноват ни в чём.
Твоему портрету каждый вечер перед сном кланяюсь.

Теперь и по утрам буду кланяться! Что тебе ещё от меня, старика несчастного, надо?!

А Бачо ему:

— Мне твои поклоны не нужны. Лучше скажи, не слышал ли чего о моих молочных братьях?

А Лев всё своё твердит:

— Если учесть, что всё-таки я лев, я очень добрый. А с тех пор, как про тебя узнал, и вовсе аппетита лишился, по полпорции ем. Ты только скажи — ещё меньше буду есть, клянусь! Совсем я оглох!

— Вы не знаете, где мои молочные братья?! — крикнул Бачо ему в самое ухо.

Тут Лев решил, что Бачо гневается на него за что-то, да как бухнется мальчику в ноги, сапожки его лижет: «Отныне три раза в день твоему портрету поклонюсь...»

Махнул Бачо рукой: «Что с ним говорить. Хоть он и царь, но совсем глухой!..»

Один из придворных — гепард — приблизился к нему несмело и сказал:

— Твои молочные братья враждовали с дикими свиньями. Смотри, как бы не было беды...

Бачо подумал: «Свинья она свинья и есть. От неё всего можно ждать». И скорей из дворца, на поиски...

А Гоча тут как тут. Притаился за толстым деревом. Потом вышел — и за Бачо следом...

Долго идёт Бачо. Пробивается через джунгли. А Гоча

за ним бежит. Местами деревья так тесно растут, что толстому Гоче не протиснуться. Приходится стороной обегать.

Кончился лес. И вышел Бачо на зыбучий песок. Ни деревца, ни травинки.

Бачо подумал: «Где-то поблизости море или большая река — потому и песку много».

Вышел из лесу и Гоча. Вздохнул свободней: не надо деревья обходить. Потом согнулся в три погибели, чтобы Бачо не заметил, и за ним.

Идёт Бачо, а вокруг ни зверя, ни птицы. Такого пустынного места не видел никогда знаменитый охотник. «Появится кто-нибудь», — утешает себя Бачо и дальше идёт.

Шёл, шёл, выбился из сил. Хочет присесть, передохнуть — солнце печёт, а тени нет. Пить захотелось — нет воды. Есть захотелось — кругом один песок.

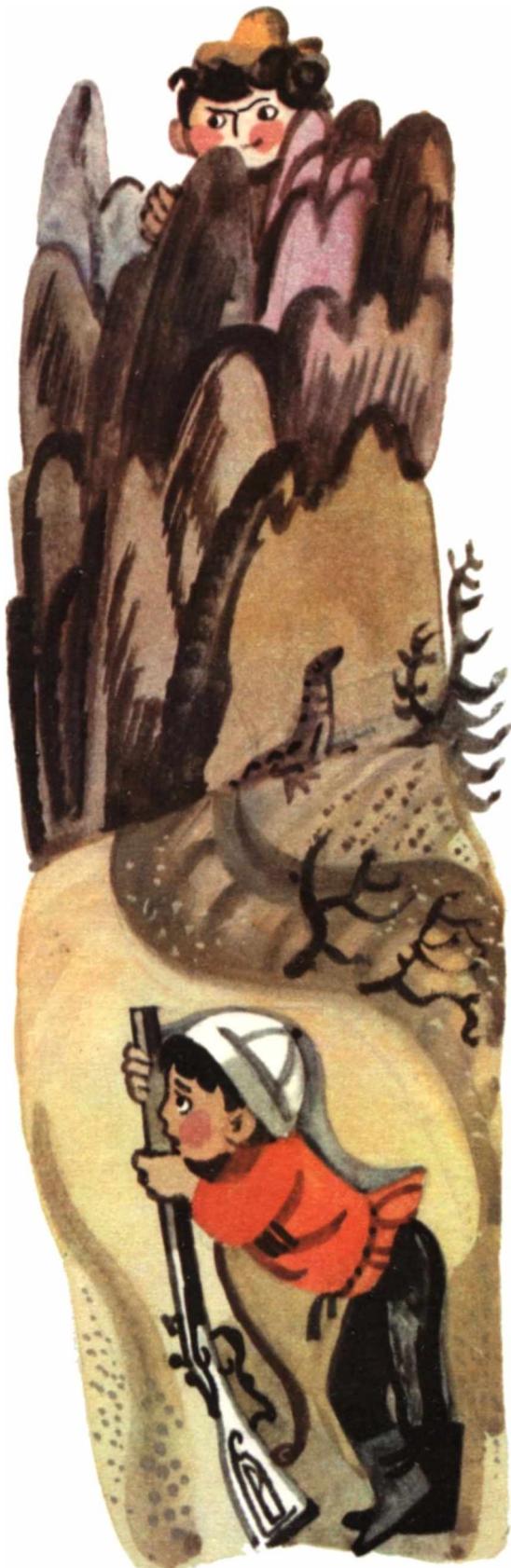
«Назад вернуться — как ответ перед матушкой-кормилицей держать? — думает. — Да и дорогу обратно без воды, без еды не осилить».

И опять пошёл вперёд Бачо. От жажды язык к нёбу прилип. От голода живот к спине прилип.

А вокруг всё песок и песок. Да и что там могло быть в пустыне?

Наконец Бачо увидел четырёхногое существо, которое колючки обгладывало. Обрадовался знаменитый охотник живой душе. Подошёл поближе, узнал верблюда и засмеялся от радости:

— Ах ты, милый губошлёт!

— Тут краше меня никого не найдёшь,— отшутился Верблюд.

— Как быть? — спросил Бачо.— Жажда замучила.

— Не знаю, что и посоветовать,— покачал головой Верблюд,— даже мне пить хочется. Сейчас же надо в путь: может, выдержу ещё недельку без воды...

— У меня на родине на каждом шагу ключи бьют, родники...— Бачо облизнул пересохшие губы.

— А по мне эта земля хороша! Никого я тут не боюсь. Вот пойду сейчас, напьюсь воды и вернусь назад!..

— Да! Тебе здесь раздолье! — вздохнул Бачо.

— Это верно,— согласился Верблюд,— кого тут

встретишь? Разве кто с пути собьётся. А так ни души... Вот на днях кабанье стадо завлекло двух молодых тигров. Я чуть не помер от страха. Да тигры так ослабли от голода и жажды, что еле держались на ногах, не до меня им было.

— Так это же мои молочные братья! — крикнул Бачо и побежал.

Бежит он, бежит, глядь — лежат на песке тигрята. Да и не тигрята уже, а настоящие тигры. Лежат, чуть дышат, не шелохнутся.

Тигры — близнецы, похожи, как две половинки одного яблока: один синебровый, другой с зелёными ресницами — вот и вся разница. Взял Бачо в охапку Синебрового, а второго не смог — больно слаб. Что делать? Нельзя же

спасти одного брата, а другого оставить! Понёс Синебрового. Долго нёс. Устал, опустил на землю. Вернулся назад, взял в охапку другого, с зелёными ресницами. Несёт, а сам думает: «Если так ходить взад-вперёд, не выбраться нам из пустыни. Свалюсь, как братья-тигры свалились».

Добрёл до того места, где Синебрового оставил, а того и след простыл. Трудно в пустыне: не поймёшь —

здесь тигра оставил или подальше. Делать нечего, надо идти.

Пошёл Бачо. Шёл, шёл, совсем выбился из сил. И тут увидел впереди тигра. «Надо добраться до него», — подумал Бачо. Идёт, а тигр всё далеко. Кто-то несёт его. Но кто? «Кто может быть таким сильным?» — удивляется Бачо. Собрав остатки сил, прибавил шагу, да не догонит никак Синебрового. «А вот догоню!» — разозлился Бачо.

Забыл и про голод, и про жажду, переложил молочного брата под другую руку и побежал. И когда совсем уже вышли силы, показался лес! «Где лес, там и вода найдётся», — обрадовался Бачо.

И правда: лежит в лесу у родника Синебровый тигр, воду пьёт. Подошёл Бачо, опустил рядом второго, с зелёными ресницами, и тоже к воде. Напились братья, перевели дух.

— Тебя кто сюда принёс? — спросил Бачо Синебрового.

— Ничего не знаю, — пропыхтел тот, — я думал, ты...

— Бачо нёс меня, а не тебя. Я ни слова не мог сказать, но всё помню, — пролепетал тигр с зелёными ресницами.

Бачо удивлённо огляделся: на опушке леса не было толстых деревьев, и потому он сразу увидел Гочу. Гоча прятался за деревом.

— Гоча! — крикнул Бачо. — Выходи, не прячься! Я тебя вижу!

Гоча вышел из-за дерева и засмеялся.

— Попей воды. Хочешь?
— Хочу, но терплю.
— Тут вон сколько воды. Можешь больше не терпеть.
— Кто это? — удивился Синебровый тигр.— Какой толстый мальчик!..

— Это мой сосед,—сказал Бачо.— Он очень много ест и, видишь, прошёл всю пустыню, притащил тебя на спине, стоит у родника и не пьёт—терпит.

— Ну и молодец твой сосед!—проурчали тигры.— Мы чуть не умерли в этой пустыне. Да, кажется, и тебе нелегко пришлось.

— Если б не Гоча, валяться бы нам всем троим на горячем песке.

Потом Бачо познакомил своего соседа с матушкой своей кормилицей-тигрицей.

Гоча и ей улыбнулся.

Большая Тигрица встала и, потянувшись всем телом, сказала сыновьям:

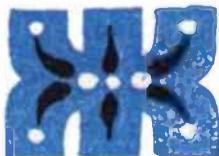
— Вот как надо жить соседям! Чтоб отныне я не видела ссор и драк: с соседями надо дружить!

А Синебровый брат вдруг засмущался, вытащил из логова красный шар и бегом к соседям—маленьким пантерам. Бежит, на бегу шар надувает: «Ещё обидятся, если вернёшь ненадутый...»

СКАЗКА ПРО БАЧО И РАМАЗИ

или на свете два брата.

— Я и Рамази? — спросил Бачо.

— Да, ты и Рамази.

— Не люблю Рамази.

— Не говори так — Рамази твой брат.

— Не хочу такого брата.

— А что ты хочешь?

— Хочу сказку!..

— Вот и ладно. Слушай и не перебивай... Жили на свете два брата. Один был большой мальчик, другой — совсем маленький. Вот однажды обиделся меньшой на старшего: не нужен, говорит, мне такой брат; лучше буду я один и пойду, куда мне захочется.

Сказано — сделано: затянулся ремешком поверх одежды, навесил кинжал, взял лук со стрелами и пошёл.

— Ты куда это собрался? — остановил его Рамази.

— Не твоё дело!

— Как же не моё дело? Я твой брат!

— Я не люблю тебя! — ответил меньшой и отворил дверь.

— Я твой старший брат, и ты должен спросить у меня совета.

Не послушался Бачо.

— Ты мне не брат,—говорит,—и пойду я, куда мне захочется...

Рамази хотел предупредить брата: если встретишь спящего дэва¹, не буди его. Но Бачо не слышал и ушёл.

Долго ли, коротко ли шёл он, перевалил через девять гор и подошёл к пещере. Глядь — лежит перед пещерой лохматый дэв, один большой глаз растопырил, в небо уставил, другой, махонький, закрыл; и храпит, аж деревья дрожат... «Нет,—подумал Бачо,—если один глаз у тебя раскрыт, значит, ты не спишь». Положил он руку на кинжал и пнул дэва носком сапожка.

Тот как заревёт:

— Кто посмел разбудить меня?

— Не кричи! Это я — Бачо!

Бачо был прославленный на весь свет охотник, но дэв не читал книжек и журналов, не слушал радио, и ничего не знал об этом. Он сощурил маленький глаз, смерил мальчика с ног до головы и сказал:

— Я тебя зараз проглошу.

— А у меня кинжал. Разрежу твоё брюхо и выйду.

— Что?! Ты меня не боишься? — удивился дэв и как хватит кулаком по камню, только пыль от камня осталась.

А Бачо ему:

— Я никого не боюсь,—и вторую руку положил на кинжал.

Дэв — косматый великан в грузинских сказках; обычно злой, но иногда услужливый и добрый.

— А-а, понятно, у тебя есть старший брат. Потому ты такой смелый.

Бачо всё ещё не простил брату обиды. И он покачал головой:

— У меня нет брата.

Дэв ужасно обрадовался. Даже подпрыгнул от радости.

— Дай твою руку! Ты очень смелый парень!

Старший брат хотел предупредить меньшого: не буди спящего дэва, а разбудишь, не подавай руки. Но ведь Бачо не слушал брата. И протянул дэву руку.

Дэв хватать его волосатой лапищей. Но другую руку. Бачо держал на кинжале. И великан решил схитрить:

— Давай,— говорит,— Бачо, побратаемся!

— Давай!

Дэв от радости даже слону сглотнул и засмеялся:

— Раз так, дай другую руку!

Старший брат хотел предупредить меньшого: если ты доверишься дэву и подашь ему руку, другую всё-таки

держи на кинжале; но ведь Бачо не слушал брата. И подал дэву вторую руку. Дэв как схватит его! Что делать? Ни кинжала вынуть, ни тетиву натянуть. Отнял дэв у Бачо оружие—был он очень сыт и потому кинул мальчика в пещеру и завалил вход камнем.

Бачо хватил себя по голове:
— Почему я не послушался Рамази!?!—да поздно.

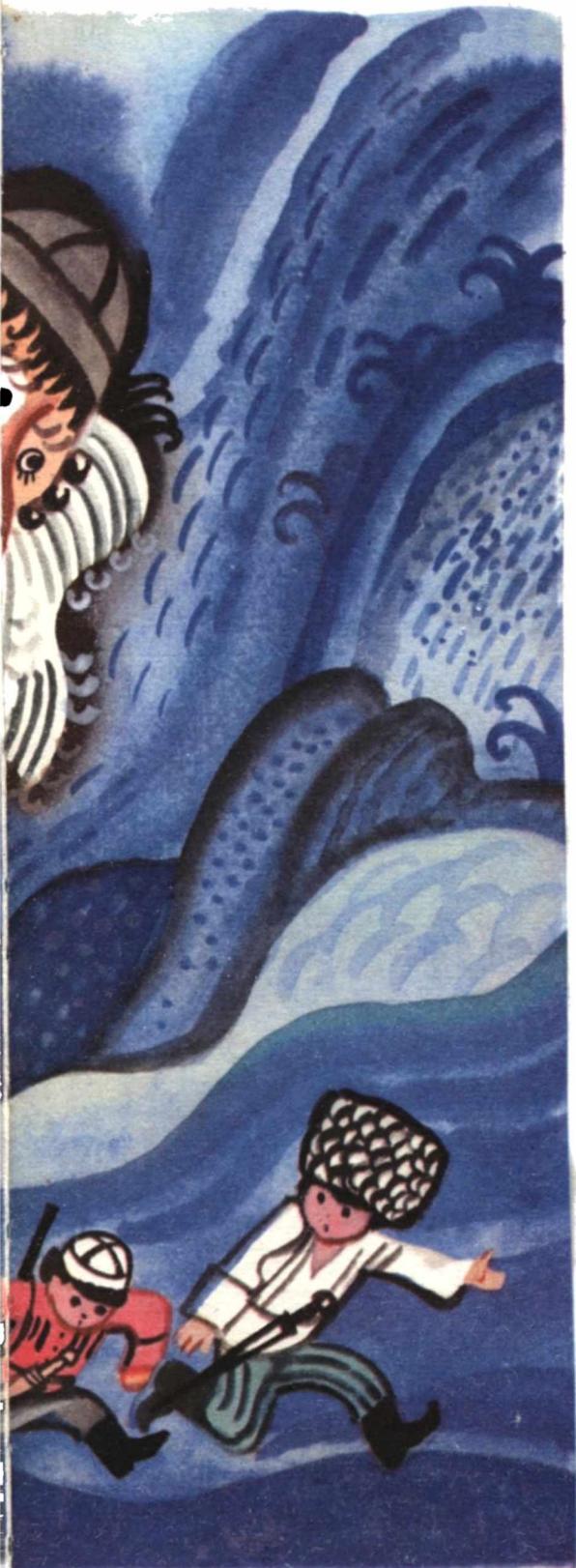
В ту пору Рамази дома сидел. Не знал он, что приключилось с меньшим братом. Но на сердце вдруг сделалось тяжело, словно ему на грудь тоже навалили камень. И хоть злился он на младшего брата и не собирался искать его, но делать нечего—пошёл.

Долго ли, коротко ли шёл он, перевалил через девять гор, слышит—дэв храпит. Рамази-то знал, что не надо дэва будить, и подкрался тихонько.

Глядь—лежит перед пещерой огромный дэв, храпит, аж деревья дрожат, а возле дэва кинжал и лук со стрелами. Видно, отнял дэв у Бачо оружие, а самого проглотил. Взял Рамази стрелу, прицелился дэву в большой глаз. Видит—в большом глазу много ран от стрел, в малень-

ком — ни одной. Понял он, что хитрый дэв видит маленьким глазом, а большой раскрыл, чтобы с толку сбить.

Почувствовал Рамази в себе силу необыкновенную. Размахнулся, ткнул стрелой в маленький глаз и — прыг в сторону. Дэв как заревёт — земля ходуном! Вскочил. Заметался, да не видит ничего. Что под руку попадёт, хватает, швыряет. Налетел на камень, которым вход в пещеру завалил. Зашипнул и его подальше. А Бачо — вот он, сидит в пещере, в затылке почёсывает. Схватил его Рамази за руку, протащил между ног у ослепшего дэва и — бежать. Бежит, на бегу братишку подзатыльниками одаривает и приговаривает:

— Не убегай!.. Слушайся старших!.. Не убегай!..

А упрямый Бачо не плачет.

— Всё равно не буду тебя слушаться.

— Не будешь, уши оборву!

— Всё равно сбегу! — не сдаётся Бачо. — И никому не скажу, что у меня есть старший брат.

— Беги, только знай: я не стану тебя искасть.

Бачо сдержал слово и опять ушёл из дома.

Долго ли, коротко ли шёл он, перевалил через девять гор; а дэв услышал, что Бачо идёт, и стал плакать. Бачо подумал: «Если б он спал, я не разбудил бы его, но он не спит, а плачет; дай спрошу — почему?»

— Почему ты плачешь? — спрашивает Бачо.

— Как же мне не плакать: не вижу я ничего! — ещё горше заплакал дэв.

— А кто виноват, что ты ничего не видишь?

— Сам виноват, сам! Потому и плачу. Побратиму изменил! Так мне и надо...

Спроси Бачо совета у старшего брата, тот сказал бы, что слепой дэв хитрей и коварней зрячего и нельзя подходить к нему близко. Но Бачо не спросил брата ни о чём. И ему даже стало жалко дэва.

— Это твой брат выколол мне глаз? — шмыгая носом, спросил дэв.

Бачо сказал:

— Нет, это был какой-то чужой охотник...

Дэв обрадовался, хоть и удивился: «Кто, кроме брата, мог заступиться за Бачо».

— Давай, Бачо, помиримся! Ведь я теперь слепой и не смогу сделать тебе ничего плохого.

«И вправду, — подумал Бачо, — что он может мне сделать, слепой?» — но на всякий случай сказал:

— Только руки я тебе не подам...

— Как хочешь, — вздохнул дэв. — Раз ты такой добрый, что простил меня, я всегда буду тебе предан. Мы теперь опять побратимы, верно? Выполню одну просьбу: принеси воды.

— Пожалуйста, — сказал Бачо, — только в чём? Тебе ведь не хватит в пригоршне.

— За рекой у меня остался кувшин. Если ты умеешь плавать, возьми его, наполни водой и принеси.

Спроси Бачо совета у старшего брата, тот сказал бы: не открывай дэву, что умеешь плавать!

А Бачо похвастался:

— Умею, да ещё как!..

— Тогда оставь тут одежду и оружие; я покараулю, а ты сходи.

Бачо снял оружие, разделся и побежал вниз по тропинке.

Переплыл через речку, нашёл огромный дэвов кувшин, наполнил его водой и принёс к пещере.

Дэв сказал: «Большое спасибо!», отпил воды и опять заплакал:

— Что мне делать, когда ты уйдёшь? Кто принесёт мне попить? Сделай доброе дело несчастному слепцу, занеси кувшин в пещеру.

Спроси Бачо совета у старшего брата, тот сказал бы: не приноси дэву воды, а если уж принесёшь, ни за что не заходи в пещеру.

Занёс Бачо в пещеру кувшин, поставил подальше — в холодочек, повернулся, глядь — а дэв опять завалил вход камнем. Хватил себя Бачо по голове, да поздно.

Рамази в ту же минуту почувствовал тяжесть на сердце. Не хотел он идти искать меньшого брата, да не сидится дома. Встал и пошёл.

Долго ли, коротко ли шёл он, перевалил через девять гор, слышит — дэв плачет.

Старший брат знал, что за хитрец этот дэв, и тихонько подкрался к нему. У дэва правое ухо было маленькое, а левое — огромное. А которым ухом он слышит — поди узнай!.. Подобрал Рамази камушек, бросил вправо — дэв и ухом не повёл. Тут Рамази почувствовал в себе силу необыкновенную, схватил кинжал и воткнул дэву в большое ухо.

Взревел дэв, да так, что камни со скал посыпались. Заметался. Что под руку попадёт, швыряет без разбору. Схватил и тот камень, который пещеру закрывал. А там Бачо сидит, в затылке почёсывает.

Рамази его за руку, мимо дэва, и взгрел как следует. Бачо надулся, но не плачет.

— Теперь-то хоть научился уму-разуму? Теперь-то хоть будешь меня слушаться?

— Не буду!

— Ах, не будешь!..

— Не буду слушаться, убегу из дома и никому не скажу, что у меня есть старший брат!

И представьте себе, он опять сбежал.

Идёт. Думает: пусть дэв хоть хрюпит, хоть плачет, я к нему не подойду.

Долго ли, коротко ли шёл он, перевалил через девять гор. Вдруг слышит — хохочет дэв, смеётся, прямо закатывается. Удивился Бачо: и слепой-то он, и глухой, с чего бы ему смеяться? Дай-ка издали погляжу...

Видит — держит дэв в руках большущее дерево с обломанными сучьями, размахнётся, огреет себя по спине и засмеётся.

— Так тебе и надо! — приговаривает. — За то, что побратиму изменил! Вот тебе!.. Вот тебе!.. Вот тебе!..

Кабы Бачо увидел дэва плачущим, не пожалел бы. Но дэв не плакал. Бил себя так, что кожа трескалась, и смеялся.

Очень пожалел его Бачо.

Спроси он совета у старшего брата, тот сказал бы: не

жалей дэва, даже если он топиться будет, не только что смеяться!

Хотел Бачо рассечь дерево надвое, чтоб облегчить дэву муку, но кинжал застрял в стволе.

Дэв понял, что заманил мальчика. А у него живот сводило от голода: он отбросил дерево с кинжалом подальше, схватил мальчишку и проглотил.

Сидит Бачо в брюхе у дэва, сокрушается: «Почему я не послушался Рамази? Так мне и надо!»

В этот раз Рамази ни за что не хотел идти на поиски брата. Но тяжело стало у него на сердце, просто невмоготу. Делать нечего—встал и пошёл.

Перевалил через девять гор. Видит—дерево лежит, а в нём кинжал по рукоятку. А перед пещерой дэв развалился, отдыхает. Подошёл Рамази поближе: пещера открыта, да никого в ней нет. «Теперь-то он наверняка проглотил моего братишку!»—подумал Рамази. И почувствовал он в себе силу необыкновенную, выхватил кинжал и вспорол дэву брюхо.

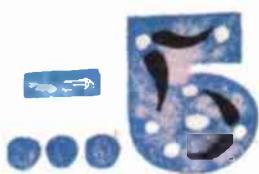
Ведёт он домой меньшого брата, и не бьёт его, не ругает, только хмурится.

Что поделаешь: брат есть брат...

БАЧО, РАТИ И ВАЧЕ

ачо, пора в постель,—сказала вечером
Манана.

Рамази взглянул на часы:

- Пусть ложится, если пора.
- Сегодня мой черёд рассказывать ему сказку.
- Садись и рассказывай.
- Не так-то это просто. Про что?
- Всё равно про что.
- Нельзя же про что он уже знает...
- Про что знает, не надо. Но вот про двоюродных

братьев мы не рассказывали.

- Верно! — захлопала в ладоши Манана.

Лёг Бачо в кроватку, подложил руку под голову,
а Манана погасила свет и начала так:

СКАЗКА ПРО ДВОЮРОДНЫХ БРАТЬЕВ

— Кроме брата и сестры у Бачо были ещё двоюродные братья.

— Ваче и Рати? — спросил Бачо.

— Да. Ваче и Рати.

— Рати совсем маленький, — улыбнулся Бачо.

— Ну и что? Всё равно Рати двоюродный брат.

— Это верно! — согласился Ваче.

Однажды Рамази сел в поезд и уехал.

— Будь осторожен, — предупредил он Бачо, — я уезжаю далеко и не смогу помочь тебе в беде.

— Не беспокойся,— отвечал ему Бачо.— Поезжай и привези мне много сказок.

— Хорошо,— сказал Рамази.

На том братья и расстались.

Бачо сидел дома и думал: «Если ослушаюсь старшего брата, не миновать мне беды...»

Но вот в один прекрасный день к калитке подкатил почтальон на велосипеде и подал Бачо письмо в вошённом конверте.

Бачо передал письмо Манане.

Манана вскрыла вошённый конверт и вынула из него сложенное вдвое мокре письмо.

— Никогда не видела мокрого письма!

— Прочитай-ка, что там написано,— сказал Бачо.

...А дело было вот в чём. Однажды, проезжая через мост, почтальон упал с велосипеда, газеты и журналы из его большой сумки рассыпались, ветер подхватил несколько штук и унёс в речку.

Рыбы в этой реке давно не видели газет и журналов и прочитали от корки до корки всё, что к ним попало. А над ними в ту пору разразилась беда. И с журналами под мышку рыбы помчались к королеве — Форели.

Форель тут же велела написать письмо знаменитому охотнику Бачо.

«Нашу реку захватил страшный дракон-браконьер,— писали рыбы.— Всю рыбу уничтожил. Деток наших косяками поедает. И нет ниоткуда спасенья. Неужели перевелись на свете настоящие охотники?

Из журналов мы узнали про тебя, славный охотник Бачо. Ты один можешь помочь нам. Как получишь наше послание, будешь стоять — не садись, будешь сидеть — встань и поспеши к нам на помощь!»

Под письмом стояла печать королевы Форели: крапчатая рыба, свернувшись в кольцо, кусала свой хвост.

«Я помню наказ Рамази,— подумал Бачо,— но рыбам надо помочь!»

Затянулся он ремешком поверх одежды, повесил кинжал, колчан со стрелами и пошёл.

Шёл, шёл, перевалил через девять гор, видит — течёт речка, такая грязная и вонючая, что близко не подойти. Нахмурился Бачо.

Тут подплыла к берегу рыбка худющая — кожа да кости, жабры так и ходят.

— Задыхаемся, Бачо, помоги!

— Для этого я и пришёл. Будь добра, укажи, кто испоганил вашу речку.

— Ты иди по берегу и увидишь душегуба: развалился, как в своём доме... Только одному тебе не справиться.

— Я — Бачо! — обиделся знаменитый охотник.

— Знаю, кто же тебя не знает! Но Дракон-то о трёх головах: отрубишь одну голову, а пока до другой доберёшься, первая опять отрастё-о-от. — И заплакала рыбка горько-горько, и слёзы у неё были крупные, как виноградины.

— Не плачь, — сказал Бачо, — положись на меня. — И пошёл по берегу реки.

Шёл, шёл, вдруг услышал отчаянный клёкот Орлицы. Глянул вверх, видит — огромная птица со всего разгону налетела на скалу, упала с криком: «Я ещё жива!», взлетела — и опять об камни.

— Из-за чего убиваешься, Орлица? — спросил Бачо.

— Как же мне не убиваться? Было у меня гнездо на скале у реки. А в нём три яйца. Подкрался трёхглавый Дракон и съел их. На что мне теперь жизнь?

— Не убивайся! Сейчас я с ним рассчитаюсь за всё!

— Я знаю, ты — Бачо, — сказала Орлица, — но даже тебе не одолеть трёхглавого Дракона! — И она опять бросилась на камни.

— Как это — не одолеть! — рассердился Бачо.

Обогнула излучину, глянь — лежит в реке Дракон, развалился, тело чёрное лоснится: одна голова на этом берегу, другая на том, а третья — посередине. Глядится в воду всеми тремя головами, ни одной рыбёшки не пропускает.

— Эй, страшилище! Чего тут развалился? — крикнул ему Бачо. — Пошёл вон!

— Это ещё что за смельчак? — переглянулись головы. И все три затряслись от смеха.

— Я — Бачо! — крикнул знаменитый охотник и положил руку на кинжал.

Река и сюда занесла потерянные почтальоном газеты и журналы, но Дракон подумал: «Стану я их читать...» — и проглотил не читая. Потому он ничего не знал про Бачо.

— Что это ты такой смелый? — удивился он. — Или у тебя есть старшие братья?

— Есть у меня брат, да он уехал.

— Один брат? Ха-ха-ха. Вас с братом двое, а у меня три головы! — обрадовался Дракон, и его головы переглянулись и затряслись от смеха.

Бачо рассердился, взмахнул кинжалом и отсёк голову, что была на его берегу. Потом бросился вброд на другой берег, подбежал к Дракону, глянь — а отрубленная-то голова отросла! Отсёк вторую голову, да что толку?

Пока к первой вернулся, и эта голова отросла и как ни в чём не бывало глотала рыб.

Сел Бачо на берегу и задумался. Подошла к нему Орлица, волоча по земле крылья, сказала:

— Если не отрубишь всех голов разом, ничего не получится.

— Что же делать? — чуть не расплакался знаменитый охотник.

— Вот будь у тебя братья!..

— Есть! — крикнул Бачо. — Есть двоюродные!

— Эх, это не то! — вздохнула Орлица. — Двоюродные — не братья.

— Братья, да ещё какие! — Бачо засмеялся, но вдруг опять погрустнел.

— Что же ты приуныл? — удивилась Орлица.

— Они далеко живут, в городе. Пока позовёшь, пока купят билеты и приедут... Не дождёшься.

— Скажи адрес, — ожидалась Орлица. — И дай одну стрелу из своего колчана, чтобы узнали, от кого я.

— Адрес скажу, а стрелы не надо: они и без неё поверят, что я попал в беду.

— Как знаешь...

...Двоюродный брат Рати проснулся в колыбели и заплакал. Ваче покачал его, но Рати расплакался громче.

— Не реви, и без тебя не в настроении — тошно, — сказал Ваче.

— Мне приснился Бачо! — заверещал Рати.

— Ну и что?

— Бачо приснился! — зашёлся Рати.

— Бачо всё время охотится. Может, в беду попал? Что-то скверно у меня на душе... — И только Ваче сказал это, как на балкон высокого дома опустилась Орлица.

— Ох! Ах! Что такое?! — заволновался Ваче.

— Распеленай меня! — Рати покраснел от натуги.

— Ты ещё очень маленький! — попытался урезонить брата Ваче.

— Бачо не может ждать, пока я вырасту! — Рати чуть не разорвал пелёнки.

— Это-то верно. Но коли идёшь на помощь, умей размахнуться мечом.

— С первого раза не зарублю, второй раз замахнусь. Сейчас же распеленай, или я в колыбели не умещусь!

Что оставалось делать? Распеленал Ваче брата. Рати не успел даже штанишек надеть. А рубашка-то на нём короткая, пупок наружу. Да разве тут до пупка! Схватили

братья мечи, вскочили на спину Орли-
це — и скорей, скорей на помощь Бачо.
Прилетели.
Бачо дал Рати кинжал и поставил

его на левом берегу, Ваче на правый перевёл, а среднюю голову сам, говорит, рубить буду. Но на глубокой воде не замахнуться, да и вода гадкая, смрадная. Тут Орлица говорит:

—Становись мне на спину! Я клюну его в глаз,
а ты руби!..

Понеслась Орлица стрелой. Рати не утерпел и хватил дракона кинжалом. С первого раза не зарубил, пришлось ещё раз замахиваться, а кинжал Бачо остёр, отлетела Драконова голова, что твоя луковица.

Врезал Бачо брюхо чудовищу, достал из него три яйца и отдал Орлице.

Из реки на радостях высипали рыбы и вприпрыжку к братьям. Хорошо, что Бачо загнал их назад, не то неизвестно, чем бы кончилась для них радость на безводье.

А вода в реке очистилась и покатилась по камням, голубая, сверкающая.

— Теперь по домам, ребята! — крикнул Бачо.

— Не пойду я никуда. У меня пупок наружу!.. —
захныкал Рати.

— Орлица, отвези его домой! — попросил Бачо. —
Парень так спешил на помощь, что забыл штаны надеть.
А ты говоришь: двоюродные братья — не братья.

— Беру свои слова назад! — проклокотала Орлица.

Она посадила на спину Ваче и Рати, взмахнула сильными крыльями и полетела.

— Прощай, Бачо! Спасибо тебе за всё!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРО МАЛЫША-ОХОТНИКА БАЧО

КАК ПОЯВИЛСЯ БАЧО 5

БАЧО — ЗНАМЕНИТЫЙ ОХОТНИК . . 10

БАЧО ВСТАЛ — ЗЕМЛЯ ДРОГНУЛА . . . 16

СКАЗКА ПРО БАЧО И ГОЧУ . . . 23

СКАЗКА ПРО БАЧО И РАМАЗИ . . . 47

БАЧО, РАТИ И ВАЧЕ 63

СКАЗКА ПРО ДВОЮРОДНЫХ БРАТЬЕВ 64

Для старшего дошкольного возраста

ОТИА ШАЛВОВИЧ ИОСЕЛИАНИ

ПРО МАЛЫША-ОХОТНИКА БАЧО

СКАЗКА

Пересказал с грузинского

Александр Луарсабович Эбаноидзе

Художник Ю. Молоканов

ИБ № 798

Редактор Э. Степченко. Художественный редактор Ю. Поливанов.
Технические редакторы Н. Молоканова и Н. Житенёва.

Корректоры Н. Пынкова и С. Блеништейн.

Сдано в производство 5.04.78. Подписано в печать 15.06.79. 60×90/8.
Бум. офс. № 1. Печ. офс. Журн.-рубл. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд.
л. 7,89. Тираж 100 000 экз. Изд. № 5035. Заказ № 289. Цена 95 коп. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский орден Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР.
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.
Набор изготавлен по системе «Союз» с помощью ЭВМ «Минск-32».

И 70801—075
М104(03)—80 72—80

skan Larisa_F

